

Е.А. Андрущенко
ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ ПЕРЕВОДЧИКЕ¹

В истории переводов на русский язык книги И.П. Эккермана «*Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens*»² перевод Дмитрия Васильевича Аверкиева (1836–1905)³ занимает особое место. Это был первый перевод знаменитой книги на русский язык, выполненный в 1891 г. по заказу А. Суворина – журналиста, издателя, владельца газеты «Новое время». Приложивший немало усилий для популяризации в России произведений европейской литературы, А. Суворин сделал выбор не в пользу главного произведения Гёте. Он решил познакомить читателя с книгой, широко известной в своей национальной культуре, но в России знакомой лишь тем, кто мог прочесть ее в оригинале или знал о ней по выдержкам и пересказам. Обозреватель «Сборника Нивы» рекомендовал приобрести «эту любопытную книгу, заключающую в себе столько гениальных мыслей Гёте по самым разнообразным предметам». Он полагал, что «одно уже имя переводчика ручается за хорошую передачу подлинника»⁴.

Рецензент «Исторического вестника» Вл. З–в [В. Зотов], приветствуя выход этой книги, напоминал о большом количестве переводов произведений Гёте, осуществленных в России, и о статьях о жизни и творчестве немецкого писателя, написанных к этому времени. Но «книга Эккермана была вовсе неизвестной на русском языке до тех пор, пока г. Аверкиев, по собственному выражению, “почувствовал себя счастливым”,

¹ В статье отражены результаты исследования, выполненного в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00218).

² *Eckermann Johann Peter. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. Leipzig: Bd. 1–2. 1836. Bd. 3. 1848.*

³ *Разговоры Гёте, собранные Эккерманом / Пер. с нем. [с предисл.] Д.В. Аверкиева. Ч. 1–2. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1891.*

⁴ *Б. а. Разговоры Гёте, собранные Эккерманом. Перевод с немецкого Д.В. Аверкиева. Часть первая и вторая. Изд. А.С. Суворина. СПб., 1891. Цена по 1 р. 50 к. // Сборник Нивы. 1892. № 3. Март. Библиография. С. 734.*

когда А.С. Суворин предложил ему заняться переводом “Разговоров”. И не один г. Аверкиев так высоко ставит эту книгу»⁵. По мнению автора рецензии, публикацию одобрит тот, «кого интересует история литературы вообще и история развития мысли у умных людей и первоклассных писателей. Много ли у нас таких любителей и ценителей литературы – это другой вопрос, и как бы ни хотелось нам, чтобы перевод Эккермана сделался так же популярен в России, как подлинник в Германии, но мы сильно сомневаемся в этом, зная, как большинство нашей публики привыкло только “пробегать”, а не читать хорошие книги»⁶. Выразив надежду на то, что у этой книги будут ценители, Вл. Зотов во второй рецензии с сожалением писал, что любителей подобного рода изданий оказалось не так много⁷. «Но тем большего внимания и благодарности заслуживает переводчик, трудившийся “для немногих”, – писал он, – и издатель, выпустивший в свет книгу, без всякой надежды на ее быстрый сбыт»⁸. Отмечая противоречия в мнениях Гёте, множество ненужных, по мнению рецензента, подробностей, перевес несущественных бесед над важными, интересными, он, вместе с тем, высоко оценил издание, представляющее «разговоры» великого поэта в хорошем переводе.

Его автор – Дмитрий Васильевич Аверкиев, драматург, беллетрист, переводчик и литературный критик – вошел в историю литературы благодаря пьесе «Каширская старина» (1872), которая до сих пор ставится на сцене российских театров. Не менее известная «Комедия о российском дворянине Фроле Скабееве и стольничьей, Нардын Нащокина, дочери Аннушке» (1869) составила ему славу успешного драматурга, знатока и любителя русской старины. В борьбе направлений русской литературы той поры он занимал

⁵ Вл. З-в. Разговоры Гёте, собранные Эккерманом. Перевод с немецкого Д.В. Аверкиева. Часть первая. СПб., 1891 // Исторический вестник. 1891. Т. XLIII. Март. Критика и библиография. С. 862.

⁶ Там же. С. 863.

⁷ «Разговоры» Гёте в переводе Д. Аверкиева через несколько лет после выхода в свет были рекомендованы для чтения в старшем школьном возрасте (Журнал Министерства народного просвещения. 1897. Июль–август. Ч. 312. С. 68).

⁸ В-ь. Разговоры Гёте, собранные Эккерманом. Перевод с немецкого Д. Аверкиева. Часть вторая. СПб., 1891 // Исторический вестник. 1891. Т. XLVI. Ноябрь. Критика и библиография. С. 502.

позиции, противоположные революционным демократам. Свою критическую деятельность он начинал в кругу Ап. Григорьева и Н. Стрхова, был деятельным сотрудником журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха». Автор драмы «Мамаево побоище. Летописное сказание (картины русской жизни XIV века)» (1864), знаток и любитель русской истории и быта, Д. Аверкиев внимательно следил за современным ему состоянием исторической науки. Когда в свет вышла статья Н. Костомарова «Куликовская битва»⁹, ставившая под сомнение выдающиеся качества Дмитрия Донского, он по просьбе редакторов «Эпохи» опубликовал полемический материал «Г. Костомаров разбивает народные кумиры»¹⁰.

Д. Аверкиев полагал, что источником заблуждений Н. Костомарова была его неосведомленность в русской истории: «Мы не говорим, чтобы это искажение было злоумышленным со стороны г. Костомарова; готовы даже утверждать, что он трудится весьма прилежно, желает по мере сил разъяснить нашу историю, бросить новый свет на многие события, – но что же делать, если он не обладает необходимыми для этого – ни силою, ни ученостью?»¹¹ Публикация пьесы «Мамаево побоище», в которой выразилась историческая концепция драматурга, статьи, выступление М. Погодина против Н. Костомарова и сотрудников журнала «Современник» в его поддержку вызвали резкие выпады Д. Писарева. В полемическом задоре он даже охарактеризовал Д. Аверкиева как литератора, который «уже с головою окунулся в мутную премудрость “Эпохи” и в своих многочисленных критических статьях заплатил уже такую обильную дань духу мракобесия и сикофантства, что навсегда отрезал себе дорогу к прямой литературной

⁹ Костомаров Н.И. Куликовская битва // Месяцеслов на 1864 г. Изд. Имп. АН. СПб., 1864. С. 1–24.

¹⁰ Аверкиев Д.В. Г. Костомаров разбивает народные кумиры // Эпоха. 1864. № 3. С. 276–294.

¹¹ Там же. С. 278.

деятельности»¹². Репутация Д. Аверкиева в демократическом лагере была изрядно испорчена.

Не изменилась она и спустя много лет. Когда в 1877 г. он решил опубликовать свою новую комедию «Непогрешимые» не в «Русском вестнике», а в «Отечественных записках», то обратился к Ф. Достоевскому с просьбой узнать, будет ли это возможно. Н. Некрасов, у которого Ф. Достоевский спросил его мнение об Д. Аверкиеве, отвечал: «“Что же думать о человеке, который, сколько он там лет пишет, только и делал, что кричал и говорил против нас и того направления, которому мы служим?” Сказано это было и весьма резко и решительно, – передавал Ф. Достоевский свой разговор Д. Аверкиеву, – а так как поддержал тут же и Салтыков то же самое, то я и нашел необходимым совсем уж не заговорить ни о комедии Вашей <...> Полагаю, что Вас не скомпрометировал, – Вы видите, что здесь произнесено суждение не литературное, а *направительное*»¹³. Принадлежность Д. Аверкиева к лагерю литераторов, прозванному охранительным, сыграла свою роль и в судьбе его литературного наследия, сейчас почти забытого.

Между тем как драматург он создал пьесы на многие популярные сюжеты из русской истории и разработал сюжеты, воссоздающие нравы и быт русской старины: «Слобода Неволя» (1867), «Терентий муж Данильевич» (1867), «Комедия о российском дворянине Фроле Скабееве и стольничьей, Нардын Нащокина, дочери Аннушке» (1869), «Каширская старина» (1872), «Темный и Шемяка» (1873), «Княгиня Ульяна Вяземская» (1875), «Разрушенная невеста» (1876), «Царевич Алексей» (1878), «Мужья и поклонники» (1878), «Сидоркино дело» (1881), «Трогирский воевода» (1882), «Столичный слеток» (1884) и мн. др. Его любовь к театру не ограничивалась только драматическим репертуаром. Он стал автором либретто по своей

¹² Писарев Д.И. Прогулка по садам российской словесности // Писарев Д.И. Литературная критика: В 3 т. / сост., подг. текста и прим. Ю.С. Сорокина. Т. 2. Статьи 1864–1865 гг. Л.: Художественная литература, 1981. С. 262.

¹³ Достоевский Ф.М. Письмо к Д.В. Аверкиеву от 18 ноября 1877 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Ч. 2. Л.: Наука (Лен. отд.), 1986. С. 175.

повести «Хмелевая ночь» к опере А. Рубинштейна «Горюша». Популярность «Каширской старины» способствовала созданию им либретто к постановке одноименной драматической оперы на музыку М. Иванова. Он также написал либретто к опере А. Серова «Рогнеда», пользовавшейся огромным успехом¹⁴. Значительным был его вклад и в теорию театрального искусства. Книга «О драме», собранная из статей 1877–1878 гг., выдержала несколько отдельных изданий (СПб., 1893, 1907) и была удостоена Пушкинской премии.

Его литературный талант высоко ценил Ф. Достоевский. Вероятно, их сближало и «почвенничество», которое ощущается в подходах Д. Аверкиева к оценке прошлого, к воссозданию старинного народного быта. Когда он познакомился с пьесой «Комедия о российском дворянине Фроле Скабееве...», то написал Н. Страхову: «Про Фрола же Скобеева хотел было написать к Вам письмо, с тем, чтоб его напечатать в “Заре”, да некогда и слишком волнуюсь; впрочем, может быть, и исполню. Не знаю, что выйдет из Аверкиева, но после “Капитанской дочки” я ничего не читал подобного. <...> У Аверкиева не знаю – найдется ли столько блеску в таланте и в фантазии, как у Островского, но изображение и дух этого изображения – безмерно выше. Никакого намерения. Предвзятого. Аннушка прекрасна безо всяких условий, отец тоже. Фрола бы только я сделал немножко подаровитее. Знаете ли, Николай Николаевич: Велик-Боярин, Нащокин, Лычиков – ведь это наши тогдашние джентльмены (не говоря о другом), ведь это сановитость боярская безо всякой карикатуры. <...> так что, если и засмеется кто, так только разве над тем, что кафтан другого покроя. Прежде всего и *главнее* всего слышится, что это *изображение в самом деле* именно то настоящее, что и было. Это великий новый талант, Николай Николаевич, и, может быть, повыше многого современного. Беда, если его хватит только на одну

¹⁴ С 1865 по 1904 гг. либретто выдержало 15 изданий.

комедию»¹⁵. В письме к А. Майкову от 15 (27) мая 1869 г. Ф. Достоевский уточнял: «Комедию о Фроле Скобееве Аверкиева я считаю лучшим произведением за нынешний год. С первого чтения был даже в восторге; теперь, со второго чтения, стал смотреть поосторожнее»¹⁶. Их личные отношения были доверительными. Вместе с Н. Страховым Д. Аверкиев был свидетелем на свадьбе писателя с А. Сниткиной, а на похоронах Ф. Достоевского – одним из распорядителей. В память о нем Д. Аверкиев взялся продолжить издание «Дневника писателя», в котором публиковал свои пьесы, прозу, публицистику и литературную критику. По просьбе вдовы он подготовил «Краткий очерк жизни и писательства Ф.М. Достоевского» для юбилейного издания собрания сочинений писателя¹⁷ и до своей смерти поддерживал с ней тесные отношения. 17 марта 1886 г. Анна Григорьевна писала Д. Аверкиеву о выходе в свет первого тома собрания, в котором была напечатана его статья: «Сейчас мне принесли имеющий завтра выйти в свет первый том Полного Собрания Сочинений, в котором помещена Биография, и я посвящаю его Вам. К моему крайнему огорчению в Биографии оказалось значительно меньше того, что я обещала подписчикам. Как мы ни расширяли строчки, вышло всего 23 страницы. Но что же делать?..»¹⁸ А. Достоевская поддерживала отношения, переписывалась с Д. Аверкиевым и его женой, считала его талантливым и плодовитым писателем, советовалась с ним о книгах для народных библиотек и просила о поддержке своих изданий произведений Ф. Достоевского¹⁹.

Д. Аверкиев вошел в историю литературы не только как литератор, драматург, но как культуртрегер и плодовитый переводчик, причем не только литературных произведений. С английского языка им переведен четвертый

¹⁵ *Достоевский Ф.М.* Письмо к Н.Н. Страхову от 6 (18) апреля 1869 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Ч. 1. Л.: Наука (Лен. отд.), 1986. С. 36.

¹⁶ Там же. С. 45.

¹⁷ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 1. Повести и рассказы. Краткий очерк жизни и писательства Ф.М. Достоевского, сост. Д.В. Аверкиевым. СПб.: Изд. А.Г. Достоевской, 1886. С. 7–31.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 6. Оп. 4. № 33. Л. 2.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 6. Оп. 4. № 33. Лл. 4–5.

том «Полного курса физики. По сочинениям Жамена и Вюльнера»²⁰, труд Д. Лёббока «Муравьи, пчелы и осы. Наблюдения над нравами общежительных перепончатокрылых»²¹ и мн. др. научные сочинения. На основе фабулы романа В. Коллинса он написал драму «Из мрака к свету» (1880) и переложил текст Аристофана для своей комедии-сказки «Золотой дед» (1899). Его перевод «Гамлета» считается лучшим для своего времени, проложившим пути переводу М. Лозинского. Однако судьба этого перевода не была успешной²². Как писал Н. Лесков в письме к Б. Бубнову от 3 апреля 1891 г., Д. Аверкиев «перевел этой зимой “Гамлета”, имеющего несколько переводов, но как аверкиевский перевод оказался всех совершеннее, то о нем говорят и его хвалят, но никто не спешит приобрести его для напечатания. То же самое, вероятно, выпало бы на долю перевода и всякой другой пьесы, имевшей уже переводы в печати, но кто любит дело, того это не должно останавливать»²³. Когда в Русском литературном обществе обсуждались переводы трагедии «Гамлет» для постановки в Александринском театре, перевод Д. Аверкиева получил высокую оценку. «Во время прений, после чтения П.П. Гнедичем главнейших мест трагедии, горячим и весьма серьезным оппонентом его перевода выступил Д.В. Аверкиев, указавший на целый ряд неточностей, отступлений от английского текста и антихудожественных выражений. Гнедич горячо защищался, как мог. Голоса разделились. Чтобы доказать основательность своих воззрений, Д.В. по просьбе присутствовавших послал домой за своим переводом (который и был скоро доставлен) и с английским текстом в руках, слово за слово разъяснил

²⁰ Полный курс физики. По сочинениям Жамена и Вюльнера. Т. 4 / пер. и сост. Д. Аверкиевым. СПб., 1868.

²¹ Лёббок Д. Муравьи, пчелы и осы. Наблюдения над нравами общежительных перепончатокрылых. Пер. с 5 англ. изд. Д. Аверкиевым. С прил. статьи переводчика «Муравьиные следы». СПб.: А.С. Суворин, 1884. См. нашу статью об этом переводе: Андрущенко Е.А. Д.В. Аверкиев и П.И. Чайковский, или Муравьиные следы // Новый филологический вестник. 2024. № 1 (68). С. 104–112.

²² См. подробнее: Патрикеева М.В. «Аверкиев едва ли не точнее всех...»: межкультурное взаимодействие на страницах «Нового времени» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. № 2 (1). С. 30–37.

²³ Лесков Н.С. Письмо к Б.М. Бубнову от 3 апреля 1891 г. // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 11. М.: ГИХЛ, 1958. С. 484.

неточности понимания Гнедичем целого ряда мест трагедии. <...> Споры были шумные и оживленные. Собрание, случайно очень на этот раз многочисленное, почти все целиком перешло на сторону Аверкиева, который был, видимо, удовлетворен как переводчик...»²⁴. Но перевод, выполненный П. Гнедичем, «попал на Александринские подмостки, а более точный перевод Аверкиева так и не увидел света рампы в течение всей жизни драматурга»²⁵. Его перевод «Гамлета» был опубликован в 1895 г.²⁶ Отрывок из трагедии Шекспира «Генрих VI» Д. Аверкиев перевел еще в 1864 г. В 1890-е гг. он перевел многие произведения французской и английской литературы: «Нос некоего нотариуса» (1893) Э. Абу, «Шагреновую кожу» (1891), «Заупокойную обедню атеиста» (1893) и «Пьер Грассу» (1893) О. де Бальзака, 29 сонет Шекспира (1894). Уже переводивший произведения Гёте²⁷, в те же годы Д. Аверкиев выполнил и перевод «Разговоров». Благодаря сотрудничеству с «Новым временем» он не только часто публиковался как публицист и критик, но в издательстве А. Суворина издал книгу «О драме», трехтомное собрание своих пьес (СПб., 1887–1896, 2-е изд. 1906), перевод «Истории Манон Леско и Кавалера де Грие» (1892) Прево в «Новой библиотеке Суворина», а в серии «Дешевая библиотека» – «Разговоры Гёте».

* * *

²⁴ С. У-ц. Из литературного прошлого нашей столицы // Наша старина. 1915. № 7. С. 650.

²⁵ Там же. С. 650.

²⁶ Шекспир В. Гамлет, принц датский. Трагедия в 5 д. Пер. с изд. 1623 г. [и предисл.] Д.В. Аверкиева. М.: Университетская тип., 1895.

²⁷ Аверкиев Д. «Границы человечества» («Когда предвечный...») // Заря. 1871. № 7. Стлб. 1. С. 101–103; Коринфская невеста («Юный путник из Афин приходит...») // Заря. 1869. № 10. Стлб. III. С. 1–8; Муж да жена («Вот подошел Мартынов день...») // Заря. 1869. № 10. Стлб. II. С. 130–131; Песня духов над водами («Душа человека...») // Заря. 1871. № 7. Стлб. I. С. 103–104; Прометей («Греми, Зевес...») // Заря. 1871. № 7. Стлб. I. С. 99–101.

В 1932 г. вышел в свет специальный том «Литературного наследства», посвященный юбилею Гёте. Рецепция его творчества в России конца XIX в. тогда уже выглядела как завершение периода принципиальных дискуссий и смещение интереса в сферу массового сознания: «дискутабельность Гётевского наследия исчезает окончательно, – писал Иван Сергиевский. – Читающая “публика” пробавляется теперь по преимуществу полуанекдотическими и вполне анекдотическими мелочами о Гёте, находящими изредка место на журнальных задворках, в разделе “Смесь”. Гётеана, так сказать, высокого стиля замыкается в рамках академических исследований и учебников по истории западноевропейской литературы»²⁸. В этой статье, написанной в сложный период развития русского литературоведения, многое обусловлено временем ее создания, но замечательно, что автор сформулировал важную для понимания рецепции Гёте мысль о разных типах адресатов.

Действительно, полемика о Гёте в XIX в., связанная с борьбой направлений, с оформлением эстетических теорий и вкусовых предпочтений, была позади, а становление русского модернизма, сформулировавшего свое отношение к Гёте и творившего миф о нем, еще только начиналось. Первый перевод знаменитой книги Эккермана на русский язык вышел в свет в издательстве А. Суворина в этой социокультурной ситуации. Перевод был напечатан тиражом 2000 экземпляров²⁹. Согласно распространенной тогда издательской практике, книга относилась к категории переводной литературы наряду с профессиональными изданиями и книгами на иностранных языках, печатавшимися таким же тиражом. Это соответствовало издательской тактике А. Суворина, давно заслуживающей

²⁸ Сергиевский И. Гёте в русской критике / предисл. Л. Каменева // Т. 4/6: Литературное наследство [И.В. Гёте]. М.: Жур.-газ. объединение, 1932. С. 747. Эта часть статьи представляет собой переработанную редакцию нашей публикации: «Сент-Бёв против Эккермана, или Как создавался первый русский перевод “Разговоров” Гёте» (Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 2. С. 316–333).

²⁹ Список книг, вышедших в России в 1891 году. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1892. С. 22; Список книг, вышедших в России в 1905 году [С алф. указателем]. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1906. Стб. 503.

особого внимания³⁰; здесь же отметим, что учет горизонта представлений и ожиданий потенциального читателя сделал его газету и издательство одним из успешнейших предприятий России рубежа веков.

Суворинское издание было адресовано разным типам читателей: и тем, кто искал в нем живой голос Гёте, как А. Чехов, Н. Лесков, В. Розанов, Л. Толстой, Д. Мережковский, П. Флоренский, и тем, кто мог позволить себе покупку книги, но не разбирался в том, какую ценность имеют беседы автора «Фауста». Реакция на перевод «Разговоров», зафиксированная в письмах, дневниках, записных книжках и статьях рубежа веков, свидетельствует о том, что он оказал большое влияние на образованных читателей, которые судили об образе мыслей, чувствах Гёте, о его предпочтениях, цитировали его высказывания в этой редакции. Благодаря переводу «Разговоров» своеобразный и плодотворный диалог русской культуры с Гёте обогатился ценным и важным источником его высказываний.

Между тем этот перевод по сей день остается, в сущности, вне поля зрения исследователей. В преамбуле к примечаниям перевода 1934 г., выполненного Евгенией Рудневой, ему посвящено два предложения: «В 1891 г. в издательстве Суворина появилось первое издание “Разговоров” на русском языке в переводе Аверкиева; в 1905 г. – оно было повторено. Суворинское издание содержит ряд пропусков и, следуя французским и английским переводам, в отступление от немецкого оригинала, объединяет все три части “Разговоров” общей хронологической последовательностью»³¹. В знаменитой книге Виктора Жирмунского «Гёте в русской литературе» – одно: «“Разговоры Гёте, собранные Эккерманом” выходят отдельным изданием только в 1891 г. в переводе Д.В. Аверкиева (2-е изд. – 1905 г., 3-е

³⁰ См., в частности, мнение Н.А. Богомолова: Письма З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского к А.С. Суворину (1891–1911) / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.А. Богомолова // Литературное наследство. Т. 106. Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. I. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 17.

³¹ *Эккерман И.П.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / вступ. ст. В.Ф. Асмуса, пер., прим. и указатель Е.Т. Рудневой. Под общ. ред. Мих. Лифшица. [М.–Л.]: Academia, 1934. С. 859.

изд. – Academia, 1935)»³². Видимо, исследователь ошибочно приписал перевод Рудневой Д. Аверкиеву. В издании перевода, выполненного Наталией Ман (1984), речь о прежних переводах не идет вообще. В публикации фрагментов «Разговоров» в сборнике работ Гёте использован перевод Т. Рудневой³³.

В XX в. книга Эккермана «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни» переводилась на русский язык дважды³⁴. Первый перевод, выполненный Е. Рудневой, вышел в свет в 1934 г.³⁵ Этому изданию предпослано предисловие В. Асмуса, впоследствии вошедшее в сборник статей ученого «Вопросы теории и истории эстетики» (1968)³⁶. Объемное и основательное, оно дает представление об особенностях жанра этой книги³⁷, о роли Эккермана в создании образа Гёте, о его взглядах, проанализированных согласно тематике бесед. Конечно, в некоторых оценках и даже в комментариях ощутимо влияние времени, когда печаталась эта книга, но она является первым изданием «Разговоров» на русском языке, воспроизводящим текст оригинала во всей его полноте.

³² *Жирмунский В.М.* Гёте в русской литературе. Л.: Наука (Лен. отд.), 1982. С. 391.

³³ *Гёте И.В.* Избранные философские произведения / под ред. Г.А. Курсанова и А.В. Гулыги; вступ. ст. и коммент. Г.А. Курсанова. М.: Наука, 1964. С. 450–493.

³⁴ Перевод, выполненный Н.А. Холодковским, при его жизни не печатался и опубликован в наши дни: *Эккерман И.* Разговоры с Гете (М.: Захаров, 2003) без научного аппарата. В аннотации к изданию сообщается, что книга опубликована в переводе, «заново отредактированном 70 лет назад для издания в “Academia”».

³⁵ *Эккерман И.П.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / вступ. ст. В.Ф. Асмуса, пер., прим. и указатель Е.Т. Рудневой. Под общ. ред. Мих. Лифшица. [М.–Л.]: Academia, 1934.

³⁶ *Асмус В.Ф.* Гёте в разговорах Эккермана. Предисловие // Асмус В.Ф. Вопросы теории и истории эстетики. М.: Искусство, 1968. С. 201–338.

³⁷ О том, что «Разговоры» вписывались в определенную жанровую традицию, писал К. Лаппо-Данилевский: «Независимо от желания их творцов, “Разговоры с Вячеславом Ивановым” оказались в ряду бесед выдающихся мыслителей и поэтов с их конфиденциями – жанр, весьма актуальный для русской литературы XX столетия (достаточно вспомнить “Записки об Анне Ахматовой” Л. Чуковской или разговоры А.А. Ванеева с Л.П. Карсавиным). В то же время они соотносятся с иной традицией, существенной для истории мировой литературы. Это жанр диалога учителя с учеником» (*Лаппо-Данилевский К.* Вместо предисловия // М.С. Альтман. Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост. и подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского; статья и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. С. 6).

В. Асмус отмечал высокую ценность фиксации живой речи, которая, по свидетельству современников, иногда была не менее интересной, чем произведения писателей. «Когда предмет разговора поглощает все внимание, а мысль высекает мысль, как камень огонь, тут не до запоминания и не до точного сохранения услышанного. В итоге один из главных видов излучения художественной энергии – беседа, разговор, диалог – обычно лишь переживается их участниками и, пережившись, подвергается забвению. Что уцелело от бесед Пушкина, Тютчева, Байрона, Оскара Уайльда? <...> Утрата всяких следов этих бесед не только обедняет в нашей памяти образы этих художников, но и лишает нас большого и драгоценного по своему содержанию материала»³⁸. Он полагал, что беседы с Гёте сохранились благодаря счастливой случайности, под которой понимал «отсутствие особо ярких и самобытных качеств» Эккермана, добросовестно фиксировавшего все, что ему удалось запомнить, и оставившего редкий по своему разнообразию и глубине документ.

В 1980-е гг. новый перевод известной книги выполнила Н. Ман. Он вышел в свет с замечательной статьей Н. Вильмонта «О книге “Разговоры с Гёте” и ее авторе»³⁹ и с комментариями А. Аникста. В статье, предваряющей перевод, была поставлена иная, чем у В. Асмуса, задача. Автор создает живые и яркие образы Гёте и Эккермана: влюбленного в старости великого писателя и молодого, никому неизвестного литератора, посвятившего свою жизнь выдающемуся современнику. Н. Вильмонт живо рисует трагедию Эккермана, не сумевшего устроить свою семейную и творческую жизнь и вошедшего в историю литературы как восхищенный и старательный слушатель Гёте. Он помещает «Разговоры» в широкий историко-литературный контекст, воссоздает подоплеку споров, отклики на которые фиксировал Эккерман, поднимает свой голос в защиту автора, позволившего

³⁸ Асмус В.Ф. Гёте в разговорах Эккермана. Предисловие. С. 202.

³⁹ Вильмонт Н.Н. О книге «Разговоры с Гёте» и ее авторе // Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / пер. с нем. Н. Ман. Вст. ст. Н. Вильмонта. Коммент. и указ. А. Аникста. М.: Художественная литература, 1981. С. 3–40.

себе воспроизводить пространные монологи Гёте по памяти. «По мне, – замечает Н. Вильмонт, – эти критические придирки служат не к принижению, а к возвеличиванию автора мемуаров. Кратких пометок Эккерману, видимо, вполне доставало, чтобы по ним восстановить все, что говорил Гёте, если не дословно, то по сути верно, его словами и оборотами. Кстати, Гёте не раз говаривал, что стоит ему потолковать с человеком минут десять, чтобы заставить его мысленно говорить с ним часами. Эккерман не следовал этому примеру, но, случалось, иногда позволял себе подправлять небрежно оброненное слово или предложение. В обдуманной композиции, в артистическом доведении высказываний великого человека до свойственной ему классической ясности и заключается высокое мастерство, художественное совершенство “Разговоров с Гёте”, благодаря чему они стали книгой, вот уже более полутора столетий обязательной для каждого образованного человека»⁴⁰. Центром интеллектуальных исканий Гёте Н. Вильмонт считал понятие плодотворности, в связи с которым, по его мнению, и следует осмысливать взгляды писателя на литературу, искусство, науку, политику и т. д.

Отсутствие научного интереса к переводу Д. Аверкиева можно объяснить несколькими причинами. Одна из них – идеологическая, связанная с кругом литераторов, к которому он примыкал в литературной борьбе того времени. Другой, более важной причиной того, что «Разговоры» в переводе Аверкиева забыты, является, конечно, природа этого текста. Его особенности во многом проистекали из издательской практики того времени и из представлений Аверкиева о роли переводчика и редактора. Они были сформированы в течение тридцати лет его переводческой деятельности. Вот, например, как он судил об издании книги «Байрон в переводе русских поэтов» под редакцией Николая Гербеля. По мнению Аверкиева, в собрании «была очевидная скудость переводов: удачных было немного, были переводы просто-напросто недобросовестные. Издателю предстоял огромный труд.

⁴⁰ Вильмонт Н.Н. О книге «Разговоры с Гёте» и ее авторе. С. 23–24.

Ему надо было приискать талантливых сотрудников; ему надо было быть крайне осмотрительным в выборе переводов. Если бы мы прибавили, что редактору следовало самому быть хорошо знакомым с Байроном, изучив его в подлиннике, составить себе полное и вполне определенное понятие об этом великом поэте, – то, конечно, это немало удивило бы читателей: они были бы вправе обвинить нас за то, что мы с важным видом знатока говорим такие общеизвестные истины»⁴¹. Вывод, к которому пришел Аверкиев, состоял в том, что «у г. Гербеля есть средства издавать Байрона, но нет средств даже посредственно переводить»⁴². Он также полагал, что в издании должна быть сопроводительная статья, между тем «вместо дельной самостоятельной статьи о Байроне г. Гербель ограничился помещением довольно поверхностной статьи Шера и выписками из статьи лорда Маколея, когда-то переведенной в “Русском вестнике”»⁴³. Берясь за перевод «Разговоров», Аверкиев постарался избежать этих недостатков: он сопроводил издание своей вступительной статьей и аппаратом, напоминающим аппарат современных научных изданий – в нем есть сноски и указатель имен и предметов. (В переводе 1934 г. такой же раздел называется «Указатель имен, понятий и предметов»⁴⁴).

В статье «От переводчика» Аверкиев объяснял замысел издания «Разговоров», происхождение и ценность этой книги, а также обосновал принципы, которых придерживался: «в переводе я старался по возможности точно передавать не только слова Гёте, но и то настроение, в котором он говорил и которое живо чувствуется при чтении Эккерманна. Я дозволил себе высказывать по временам, в примечаниях, те мысли, которые возбуждались во мне при чтении, а равно казавшиеся мне необходимыми

⁴¹ *Аверкиев Д.* Литературное шарлатанство (Байрон в переводе русских поэтов, изданном под редакцией Ник. Вас. Гербеля. Т. I, II, III. СПб., 1864 и 1865. Дон-Жуан. Поэма Байрона. Песнь первая. Перевод Д. Минаева. Современник. 65. I) // Эпоха. 1865. № 2. Текущ. литература. С. 21.

⁴² Там же. С. 26.

⁴³ *Аверкиев Д.* Литературное шарлатанство. С. 21.

⁴⁴ *Эккерман И. П.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / вступ. ст. В.Ф. Асмуса, пер., прим. и указатель Е.Т. Рудневой. С. 883.

разъяснения идей и воззрений Гёте, сближая порою, ради вящей наглядности, явления немецкой и нашей жизни. Сверх того перевод снабжен примечаниями, взятыми из немецкого издания г. Генриха Дюнцера и французского перевода г. Эмиля Делеро. Примечания и добавления последнего особенно драгоценны; так, ему принадлежат все цитаты из писем Гёте или сочинений о нем, разъясняющие или дополняющие высказанные в «Разговорах» мнения и идеи»⁴⁵.

На шмуцтитуле суворинского издания указано, что это перевод с немецкого, однако Д. Аверкиев дал своему переводу заглавие, отличающееся от названия книги Эккермана. Это сигнализирует о том, что текст предлагаемого издания не тождествен исходному: Д. Аверкиев воспользовался текстом-посредником – переводом «Разговоров» на французский язык, выполненным Э. Делеро: «Conversations de Goethe pendant les dernières années de sa vie: 1822–1832» (1863)⁴⁶. Делеро более четверти века служил директором Версальской библиотеки и был известен как специалист по творчеству Гёте. Как пишет В. Полонский, «первые переводы произведений, созданных на языках, относительно недавно завоевавших себе высокий международный культурный статус, нередко выполнялись не с оригинала, а с их французской версии — как правило, воспроизводя ее особенности и огрехи»⁴⁷. Это относится и к переводу Аверкиева, повторившему даже композиционные особенности французского издания.

У Делеро из трех томов исходного текста получился перевод в двух томах, названный так же, как и у Эккермана. Переводу предшествует эпитафия: «В разговоре Гёте невероятно остроумен. Мадам де Сталь»

⁴⁵ Разговоры Гёте, собранные Эккерманом» (Пер. с нем. [с предисл.] Д.В. Аверкиева. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1891. Ч. 1. С. XVIII–XIX.

⁴⁶ Conversations de Goethe pendant les dernières années de sa vie: 1822–1832. T. 1, 2 / recueillies par Eckermann: trad. par Émile Délerot: précédées d'une introd. par M. Sainte-Beuve: Paris: G. Charpentier, 1863.

⁴⁷ Полонский В.В. GALLO-ROSSICA: Из истории русско-французских литературных связей конца XVIII – начала XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 133–134.

(«Goethe est un homme d'un esprit prodigieux en conversation. M-me de Stael»)⁴⁸.
Издание открывает письмо Ш.О. де Сент-Бёва от 1 мая 1863 г. к издателю перевода – Ж. Шарпантье, в котором охарактеризован не только исходный текст и его автор, но и перевод Делеро. Сент-Бёв полагал, что текст, получившийся у Делеро, превосходит оригинал полнотой материала и легкостью изложения. Сент-Бёва привлекала и личность переводчика, увлеченного Гёте, целый год проведенного в Веймаре, и он приветствовал публикацию его перевода⁴⁹. Вслед за письмом Сент-Бёва во французском переводе печаталась вступительная заметка Делеро, в которой определены принципы его перевода: сохранить все, что касается Гёте, сократить рассказы Эккермана о себе, дополнить текст материалами из переписки Гёте с Цельтером, Рейнхардом, Буассерэ и др.⁵⁰

Таким образом, французский перевод «Разговоров» включал элементы, существенно отличающие получившийся текст от исходного. И Сент-Бёв, и Делеро пренебрежительно судили об Эккермане и сомневались в необходимости сохранять его рассказы о себе и его рассуждения. Иными словами, они не воспринимали издание Эккермана в его целостности и полагали, что масштаб его личности не соответствует той жанровой претензии, которую представляли собой «Разговоры». Аналогом подобной формы отношений между двумя литераторами Сент-Бёв называл Николь и Арно или Делейра и Руссо, то есть соавторов и друзей, а образцом жанра – жизнеописание Сэмюэля Джонсона, написанное Джеймсом Босуэллом, акцент в котором сделан на разговорах, мыслях. Заметим, что в XX в. жанр «Разговоров» уже воспринимается как восходящий к диалогу⁵¹. Но всего через пятнадцать лет после выхода в свет третьей части эккермановского

⁴⁸ Conversations de Goethe pendant les dernières années de sa vie: 1822–1832. Т. 1. Шмуцтитул.

⁴⁹ Там же. Р. XXI–XXII.

⁵⁰ Там же. Conversations de Goethe pendant les dernières années de sa vie: 1822–1832. Т. 1. Р. XXIII–XXIV.

⁵¹ Волков С. Вспоминая Анну Ахматову. Разговор с Иосифом Бродским // Континент. 1987. № 53. С. 337–382.

издания Сент-Бёв и Делеро видели его сквозь призму «неправильного» жанра, когда автор не только не равнозначен своему герою, но и не придерживается формы жизнеописания. Потому Делеро считал возможным обращаться с исходным текстом так, чтобы незначительный собеседник великого Гёте не занимал неправомерно много места.

У Д. Аверкиева также сложилось издание, состоящее из нескольких «слоев», включенных в текст-посредник и отсутствующих в других переводах этой книги на русский язык. Его перевод оказался масштабнее замысла А. Суворина издать знаменитую в Европе книгу на русском языке. Д. Аверкиев не только использовал его для знакомства читателей с разговорами Гёте, но связал их с историей русской литературы, театра и изложил собственные идеи. Его сноски из служебных элементов превратились в значимую часть перевода. Для этого Д. Аверкиеву пришлось потеснить сделанное его предшественником.

Постраничные сноски к «Разговорам» имеют разнообразный характер. С одной стороны, они выполняют справочную функцию: в них поясняются имена, события, уточняются обстоятельства публикации произведений и пр. Д. Аверкиев последовательно избавлялся от сносок, адресованных французскому читателю. К исключенным относится, например, замечание о том, почему немец Гёте использовал французское словосочетание «carte blanche» (в записи от 26 апреля 1823 г.⁵²), отсылка к опыту Ламартина (запись от 27 января 1824 г.⁵³) или объяснение места в национальной памяти военных сражений (как полагал Делеро, Аустерлиц и Йена важны для французского читателя, а Лейпциг и Ватерлоо – для немецкого) (запись от 24 ноября 1824 г.⁵⁴). Когда же Делеро в своих примечаниях цитировал Вольтера⁵⁵, Д. Аверкиев — Пушкина (запись от 15 октября 1825 г.⁵⁶). Одну из

⁵² Conversations de Goethe pendant les dernières années de sa vie: 1822–1832. Т. 1. Р. 22.

⁵³ Ibid. Р. 92–93.

⁵⁴ Ibid. Р. 142.

⁵⁵ Ibid. Р. 224.

⁵⁶ «Разговоры Гёте, собранные Эккерманом» (Пер. с нем. [с предисл.] Д.В. Аверкиева. Ч. 1. С. 213.

сносок⁵⁷ Аверкиев вообще перенес в основной текст, видимо, в связи с большой важностью для русского читателя рассказа о встрече Гёте с Наполеоном (запись от 2 января 1824 г.⁵⁸).

С другой стороны, отказываясь от перевода некоторых сносок предшественника, Д. Аверкиев заменял их собственными, как в записи от 29 октября 1823 г. В этом фрагменте «Разговоров» Гёте советовал Эккерману обратиться к созданию поэмы, в которой самое сложное – «схватить и изобразить частное (индивидуальное) и составляет истинную жизнь искусства. <...> Всякий характер, как бы своеобразен он ни был, и все, что подлежит изображению, от камня до человека, – заключает в себе нечто общее, потому что все повторяется, и нет в свете вещи, которая была бы в нем только раз. С этой-то ступени изображения индивидуального и начинается то, что именуется композицией»⁵⁹. Делеро объясняет эту мысль тем, что «Гёте просто имеет в виду, что, когда мы хорошо знаем, как написать отдельное стихотворение, тогда можно попытаться написать стихотворение, которое есть только гармоничная и правильная последовательность определенного числа отдельных стихотворений, объединенных композицией. Прежде чем думать о сочетании частей, нужно быть уверенным, что эти части будут хорошими»⁶⁰.

Д. Аверкиев полагал, что Эккерман «не вполне верно или, по крайности, весьма отвлеченно толкует ниже мысль Гёте. Гёте находил, что настоящее творчество (композиция) начинается тогда, когда поэт научается схватывать и живописать индивидуальные черты данного предмета. Находя в Эккермане способность к изображению природы, он поэтому и советовал ему от

⁵⁷ Conversations de Goethe pendant les dernières années de sa vie: 1822–1832. T. 1. P. 81–84.

⁵⁸ Разговоры Гёте, собранные Эккерманом» (Пер. с нем. [с предисл.] Д.В. Аверкиева. Ч. 1. С. 73–78.

⁵⁹ Там же. Ч. 1. С. 42, 43.

⁶⁰ «Goethe veut tout simplement dire que, lorsqu'on sait bien écrire une poésie détachée, on peut alors tenter d'écrire un poème, qui n'est que l'enchaînement harmonieux et régulier d'un certain nombre de poésies détachées, réunies par la composition. Avant de penser à la combinaison des parties, il faut être sûr que ces parties seront bonnes» (Conversations de Goethe pendant les dernières années de sa vie: 1822–1832. T. 1. P. 52).

описания, так сказать, природы вообще перейти к изображению частной местности, именно Тифурта, ставя задачей – живописание ее индивидуальных особенностей. Держаться “общего” в поэтических образах способен, так сказать, всякий; тут всякий может подделаться под поэта. <...> Посредственности благоразумно всегда держаться “общего”, и из какого бы быта или времени они ни кропали свои поэмы, романы или драмы, все у них равно бесцветно и общо, равно приложимо ко всему. В умении схватывать те или иные индивидуальные черты сказывается и самая индивидуальность поэта; он из безличного стихотворца становится поэтом, достойным быть названным по имени»⁶¹.

Но чаще Д. Аверкиев уточнял точку зрения Гёте, спорил с Эккерманом, проводил параллели с русской литературой и практикой русского театра. В записи от 26 февраля 1824 г., например, Гёте рассуждает о предзнании (антиципации), утверждая, что у подлинного поэта всегда есть знание о мире, не связанное с его изучением, и что без него он «и со зрячими глазами остался бы слеп и все мои исследования и опыты оказались бы тщетным и мертвым трудом. Свет перед нами и краски нас окружают; но если б в наших собственных глазах не было ни света, ни красок, то мы не воспринимали бы их и извне»⁶². Делеро прокомментировал эти слова так: «Это один из принципов Гёте в его Теории цветов»⁶³. Д. Аверкиев отказывается от этой сноски и дает свое концептуальное толкование, принципиально отличающееся от пояснения Делеро. Сноска превратилась у него в обширный комментарий, в котором не только разобрано сложное для русского уха слово «антиципация», но и сформулирована точка зрения историка литературы и критика. Д. Аверкиев говорит об обусловленности поведения персонажей их происхождением и родом деятельности, о художественном обобщении, о натурализме, причем обозначает линию размежевания между литераторами и

⁶¹ Разговоры Гёте, собранные Эккерманом» (Пер. с нем. [с предисл.] Д.В. Аверкиева. Ч. 1. С. 43–44.

⁶² Там же. С. 101–102.

⁶³ «C'est un des principes de Goethe dans sa Théorie des couleurs» (Conversations de Goethe pendant les dernières années de sa vie: 1822–1832. Т. 1. P. 110).

художниками. Очевидно, что диалог Гёте с Эккерманом становится для него поводом высказать суждения, выходящие за пределы собственно перевода. В сносках зачастую проступает критический темперамент Д. Аверкиева, выбивающийся из служебной роли переводчика. Например, в примечании к записи от 9 октября 1828 г. он пишет: «Признаюсь, я всегда чувствовал особую слабость к “Клавиго” Гёте, и доселе считаю его самым сценичным из драматических произведений германского поэта. Меня всегда удивляло редкое исполнение на сцене именно этой пьесы. Что тому причиной? <...> Уже по описанию чтения можно предчувствовать, что за впечатление произведет на сцене эта пьеса!»⁶⁴. Когда Гёте сетует на невыдержанность репертуара немецких театров, – «где вчера мы видели “Гамлета”, мы видим сегодня Штаберле» (запись от 30 марта 1824 г.), – Д. Аверкиев поясняет, кто такой Штаберле, и замечает: «Нельзя не заметить, что обстоятельства, подобные указанным Гёте, мешают и в нашем театре правильному развитию вкуса публики. Даже в Москве, невзирая на несколько частных сцен, не установилось еще разделение репертуара между отдельными театрами. И это не прекратится, пока дух соперничества во что бы то ни стало не заменится духом соревнования в деле искусства. Тогда каждый театр будет довольствоваться только пьесами данного рода и стараться исполнять их с возможным совершенством»⁶⁵.

Плодовитый драматург, член комиссии по театральному ведомству (1882), он, несомненно, хорошо знал театральное дело, так что проведенные им параллели опирались на его большой практический опыт. Он проявился и в том, как, например, комментируется разговор о трех единствах (запись от 24 февраля 1825 г.). К этому фрагменту разговора Д. Аверкиев дает свои сноски: «Упрек не вполне справедливый. У греков рассказы в трагедиях дело обычное и нередко они встречаются и в конце пьес. Зависело это не столько от соблюдения закона единств (если таковой существовал в древности, – что

⁶⁴ Разговоры Гёте, собранные Эккерманом» (Пер. с нем. [с предисл.] Д.В. Аверкиева. Ч. 2. С. 102–103.

⁶⁵ Там же. Ч. 1. С. 112.

сомнительно), сколько от сосредоточения трагического действия на одном лице», и далее – «Несомненно однако, что слишком частая перемена декораций разбивает впечатление и препятствует сосредоточению внимания. Вот почему при постановке Шекспира по возможности стараются избегать перемен и соединяют несколько сцен в одну. Для зрителя весьма нередко все равно, где именно происходит данная сцена; вообще его более интересует, что и как происходит»⁶⁶.

Обосновывая свой подход к переводу «Разговоров», Д. Аверкиев признавался, что «почувствовал себя счастливым» после предложения издать эту книгу. Это сказалось не только в лексическом строе перевода, требующем отдельного внимания, но и в восторженном отношении к личности Гёте, отразившемся в отказе от примечаний Делеро, которые вскрывают мещанскую психологию и буржуазный характер окружающего его общества. Так, в записи от 19 октября 1823 г. Эккерман рассказывает, как в первый раз обедал у Гёте. Делеро в сноске поясняет имена тех, кого он упоминает: «Мадемуазель Ульрика де Погвиш, сестра мадам де Гёте. Она до сих пор живет в Веймаре. Двое детей, Вальтер и Вольфганг, внуки Гёте. <...> слава литературы их дедушки не прельщала их. Г-н Вальтер де Гёте камергер при дворе Веймара; г-н Вольфганг де Гёте, советник посольства Пруссии в Вене»⁶⁷. Д. Аверкиев удаляет все примечания, кроме одного: о том, что Ульрика – это «младшая сестра Оттилии; она жила в доме Гёте». Он умалчивает о равнодушных к творчеству гения внуках, посвятивших себя прозаической деятельности: эта подробность не поддерживала впечатление о высоком, которое формируется в ходе перевода. По этой же причине он снимает и скептический комментарий Делеро к словам Гёте о его «Теории

⁶⁶ Разговоры Гёте, собранные Эккерманом» (Пер. с нем. [с предисл.] Д.В. Аверкиева. Ч. 1. С. 156–157.

⁶⁷ «Mademoiselle Ulrike de Pogwisch, sœur de madame de Goethe. Elle habite toujours Weimar. Les deux enfants, Walter et Wolfgang, sont les petits-fils de Goethe. Aujourd'hui ce sont des hommes faits; mais la gloire littéraire de leur grand-père ne les a pas tentés. M. Walter de Goethe est chambellan à la cour de Weimar; M. Wolfgang de Goethe, conseiller de légation près l'ambassade de Prusse, à Vienne» (Conversations de Goethe pendant les dernières années de sa vie: 1822–1832. T. 1. P. 42).

цветов» (запись от 1 января 1827 г.): «Бедняга Гёте, чьи идеи о цветах были так плохо восприняты, здесь, кажется, в отчаянии ухватился за Эккермана, чтобы иметь хотя бы одного надежного и благодарного ученика»⁶⁸. В переводе Д. Аверкиева сомнения в верности точки зрения Гёте не возникают: даже когда он бранится на лающую собаку, его образ остается величественным. Эта установка согласуется с тем, как Аверкиев относился к «Разговорам»: «всегда, если не сразу, то перебросив две, три страницы напал на место, которое невольно увлекало мысль, перенося ее в более возвышенную сферу. И, конечно, не я один, узнав, полюбил эту книгу. Сошлюсь на Ф.И. Буслаева, который зовет ее своим “эстетическим евангелием” и любит прочитывать из нее страничку, другую, “на сон грядущий”»⁶⁹.

Соглашаясь подготовить к изданию «Разговоры» Гёте, Д. Аверкиев не испытывал пиетета перед исходным текстом. Он несомненно знал его, ориентировался на него, сверялся с комментариями Г. Дюнцера, но переводил с французского издания, воспроизводя его главные структурные особенности. Его задачей было создание возвышенного образа Гёте – от передачи своего личного отношения к книге Эккермана и специфического отбора лексики — до формирования сносок, которые ограничивают представление о круге общения и интересах Гёте сферой «значительной умственной высоты» и приобщают читателя к замечательным подробностям его жизни. Переустройвая текст согласно этой установке, Д. Аверкиев приближал образ биографического Гёте к тому образу, который сложился у читателей его произведений. Они с радостью узнавали в «Разговорах» автора «Фауста» и «Вертера», не подозревая, что исходный текст зафиксировал иной характер, менее возвышенный слог суждений и вполне прозаический быт.

⁶⁸ «Le pauvre Goethe, dont les idées sur les couleurs avaient été si mal accueillies, semble ici, en désespoir de cause, s'emparer d'Eckermann pour avoir au moins dans le monde un disciple sûr et reconnaissant» (Там же. Р. 303).

⁶⁹ «Разговоры Гёте, собранные Эккерманом» (Пер. с нем. [с предисл.] Д.В. Аверкиева. Ч. 1. С. 3.

Вступительная статья к переводу складывалась из собственных размышлений переводчика и пересказа статьи Эккермана, так что упрек Гнедичу в отсутствии самостоятельной статьи к переводам Байрона был едва ли справедлив. Под влиянием авторитетного мнения Сент-Бёва у Д. Аверкиева проявилось скептическое отношение к секретарю Гёте, и он полемизировал с ним в примечаниях, пользуясь возможностью высказаться об истории литературы и театра.

* * *

На рубеже веков первый русский перевод «Разговоров» ответил на самые разные запросы читателей. Сразу же после выхода в свет с этой книгой познакомился А. Чехов. Он писал А. Суворину 6 февраля 1891 г.: «Гёте и Эккерман легки на помине. Я недавно упоминал об их разговорах в своей великой повести»⁷⁰. В окончательную редакцию «Дуэли», о которой А. Чехов иронически говорит в письме, это упоминание не вошло. Н. Лесков выписал в записную книжку три высказывания Гёте о жизни после смерти из записи от 25 февраля 1824: «Благочестивые люди подобны дворянам – считают себя некоторого рода аристократами... Я буду очень доволен, если мне выпадет счастье, по окончании здешней жизни узнать другую; но я желал бы, чтобы со мною там не встречался никто из тех, которые здесь в нее верят. Иначе мне придется претерпеть мучения... Кто верит в будущую жизнь, пусть молча наслаждается этим счастьем; но у него нет основания воображать ее такою или иною»⁷¹.

⁷⁰ Чехов А.П. Письма. Январь 1890–февраль 1892 // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / ред. кол. Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. Т. 4 / подгот. текстов и прим. Е.Н. Коншиной, И.Е. Гитович, Л.Д. Опульской, Н.А. Роскиной. М.: Наука, 1976. С. 174.

⁷¹ Лесков А. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. Т. 2. Ч. V–VII / подгот. текста и ком. В.А. Туниманова и Н.Л. Сухачева. М.: Худ. лит., 1984. С. 36.

Александра Андреевна Толстая через несколько месяцев после выхода в свет перевода «Разговоров» спрашивала у Л. Толстого, прочел ли он их. В августе – сентябре 1891 г. он отвечал: «Эккермана разговоры не читал и на днях только вспоминал о них. Гёте-то я не очень люблю. Не люблю его самоуверенное язычество»⁷². Л. Толстой прочел «Разговоры» по-немецки в 1897 г. и сообщал П. Бирюкову, что книга интересна ему «для искусства и для изучения старости»⁷³. Не со всеми мыслями, высказанными в этой книге, он был согласен. «Гёте говорит там, – писал он П. Бирюкову, – что если человек, не переставая действует, то он не может умереть: деятельность его непременно должна продолжаться, хотя со смертью и переходит в другую форму. Это верная мысль, взятая навыворот. Не от воли человека происходит его деятельность, а оттого, что в человеке есть дух божий, всегда действующий. Он может желать действовать»⁷⁴. В апреле 1897 г. Л. Толстой выписал в записную книжку два высказывания Гёте в переводе Д. Аверкиева. Первое – «Солнце заходит, но не переставая светит (Гёте)»⁷⁵ – в сокращении из записи от 2 мая 1824 г.: «...наш дух есть существо, природа которого вполне неразрушима и непрерывно действует из вечности к вечности; он подобен солнцу, которое заходит только для нашего земного ока, но в сущности никогда не заходит и светит непрерывно»⁷⁶. Вторая выписка представляет собой сокращенную цитату из записи от 18 февраля 1825 г.:

⁷² Переписка Л.Н. Толстого с А.А. Толстой. 1857–1903. СПб.: О-во Толстовского музея, 1911. С. 369. (Толстовский музей; Т. 1).

⁷³ Толстой Л.Н. Письма 1897 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Серия 3. Письма. Т. 70 / подгот. текста и ком. С.В. Короленко и В.С. Мишина. М.: Гос. изд. худ. лит., 1954. С. 68.

⁷⁴ Толстой Л.Н. Письма 1897 г. С. 68.

⁷⁵ Толстой Л.Н. Дневники и записные книжки 1895–1899 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Серия 2. Дневники. Т. 53 / подгот. текста и ком. Н.С. Родинова. М.: Гос. изд. худ. лит., 1953. С. 307.

⁷⁶ Разговоры Гёте, собранные Эккерманом» (Пер. с нем. [с предисл.] Д.В. Аверкиева. Ч. 1. С. 122.

«Гёте: как дети переворачивают зеркало, чтобы видеть, что на той стороне»⁷⁷.
В. Лазурскому Л. Толстой говорил о «Разговорах»: «Очень интересно»⁷⁸.

Хорошо знал эту книгу и обращался к ней неоднократно В. Розанов. Цитаты из нее и отклики разбросаны в сборниках «В мире неясного и нерешенного», «Во дворе язычников», «Семейный вопрос в России», в очерках «О писателях и писательстве». «Разговоры» давали пищу для размышлений В. Розанова о язычестве и христианстве, о нравственности в литературе, о своеобразии национальных культур.

Его статья «Неверие XIX века» из сборника «Во дворе язычников» посвящена публикации Т. Буткевича в харьковском журнале «Вера и Разум». Упрекая автора статьи в том, что он исповедует идею механического управления миром Богом Промыслителем, В. Розанов напоминал об идее Лейбница «о предустановленной гармонии и о монадах» и о взглядах Гёте на эту тему. «Ведь г. Буткевичу, с его специальной точки зрения и в специальных задачах православной апологетики, – писал В. Розанов, – нужно доказать не то вовсе, что Бог есть в мире, но что есть Премудрый Бог, т. е. вне, за пределами мира, существующий и миром управляющий... конечно, механически. В противном случае, т. е. ведя аргументацию так, как он ведет, он ничего не доказывает, кроме божественной сущности, разлитой в самих явлениях мира, в ткани мира, в сложении мира; но это есть точка зрения Гёте, за которую от протестантских богословов он был прозван “великим язычником”»⁷⁹. В книге Эккермана эта точка зрения Гёте зафиксирована в нескольких записях. В разговоре с И.Д. Фальком, состоявшемся в январе 1813 г., Гёте вспомнил об идее Лейбница о монадах и высказал свое отношение к посмертному существованию души. В записи от 3 марта 1830 г. вернулся к мысли об энтелехии, которую соотносил с монадами Лейбница. В записи от 28 февраля 1831 г. говорил, что Божество, «это великое существо

⁷⁷ Толстой Л.Н. Дневники и записные книжки 1895–1899. С. 307.

⁷⁸ Лазурский В.Ф. Дневник / предисл. и прим. К. Шохор-Троцкого // Толстой в воспоминаниях современников. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Кн. II. С. 500.

⁷⁹ Розанов В.В. Неверие XIX века // Розанов В.В. Собр. соч. Во дворе язычников / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1999. С. 68.

<...> обнаруживается не только в человеке, но также в богатой и сильной природе, и в громадных мировых событиях»⁸⁰.

В статье «Эллинизм» В. Розанов размышлял о современных ему попытках понять древних эллинов. Он писал, что это возможно лишь при отказе от христианства: «отрекитесь от Христа, и тогда вы поймете эллинизм, начнете научаться от эллинизма»⁸¹. Примером такого отказа он считал Гёте, который «на это решился», и к христианству «чувствовал прямо отвращение»: «“Курьез о Троице я никогда не мог понять”, – записал его выражение Эккерман в своих “Разговорах”»⁸², – добавляет В. Розанов. Эта отсылка сделана им ошибочно: в «Разговорах» этот фрагмент звучит иначе, а цитата больше всего напоминает слова Базедова из четырнадцатой книги «Поэзии и правды» Гёте.

В главе «Упадок семьи» книги «Семейный вопрос в России» В. Розанов цитировал запись из «Разговоров» от 31 января 1827 г., в которой Гёте, читавший китайский роман, сравнивал патриархальную нравственность с песнями Беранже⁸³. В. Розанов использовал эту цитату для выводов о причинах безнравственности литературы: «Вот объяснение – лучшее, какое мы читали когда-нибудь, <...> Не поэт безнравствен, – ведь он все же избранный в своем времени и в своей расе. Испорчена именно эта раса, это время; и, как довольно становится очевидно, – Европа есть континент испорченной крови»⁸⁴. В книге «О писательстве и писателях» Розанов писал о многообразии интересов Гёте и о разнице между русской и европейской культурами: «Но здесь мы должны различать “приделы” и алтари великого храма словесности, – писал В. Розанов, – читая “Разговоры Гёте” в изложении Эккермана, мы опять находим, что те мысли, какие встречаются в

⁸⁰ Разговоры Гёте, собранные Эккерманом / пер. с нем. [с предисл.] Д.В. Аверкиева. Ч. 2. С. 329–330.

⁸¹ Розанов В.В. Эллинизм // Розанов В.В. Во дворе язычников. С. 171.

⁸² Розанов В.В. Эллинизм. С. 171–172.

⁸³ Разговоры Гёте, собранные Эккерманом (Пер. с нем. [с предисл.] Д.В. Аверкиева. Ч. 1. С. 287–289.

⁸⁴ Розанов В.В. Семейный вопрос в России. Т. I. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1903. С. 61–62.

частной переписке у Русских, в воспоминаниях о Русских, в том числе и о Пушкине или Гоголе, – неизмеримо уступают интересом, основательностью и глубиной идеям Гёте *о природе, о художестве, о культуре*; но особенно – *о природе*. Здесь едва ли мы не подходим к ключу дела, к корню разницы. Вся русская литература почти исключительно антропологична, – космологический интерес в ней слаб. “О звездах и небе не знаем ничего, и не интересуемся ими”, – как бы говорят все Русские вслед за Лизой Калитиной из “Дворянского гнезда”. Вся сосредоточенность мысли, вся глубина, все проникновение у нас относится исключительно к душе человеческой, к судьбе человеческой, – и здесь по красоте и возвышенности, по *верности* мысли Русские не имеют соперников. Но западные литературы в высшей степени космологичны, они копаются не около одного жилища человеческого, как все Русские, всегда Русские, – но озирают мир, страны, народы, судьбу народов. Здесь Русские совершенно бессильны. Можно сказать, западные литературы суть всемирная зоология, а русская – только отдел “о домашних животных”, без науки в себе, но с собранием в высшей степени интересных и *верных* рассказов, воспоминаний, примет и проч. и проч. Говоря так, мы разумеем и совершенно мелкие повестушки, а не одних корифеев; говорим о *школе* русской, о *методе* у Русских, как о чем-то совершенно новом сравнительно с западным духом, с западным гением⁸⁵. В статье «Апокалипсис нашего времени» одна цитата из «Братьев Карамазовых»⁸⁶ подтолкнула В. Розанова к красноречивому выводу: «у Достоевского его знаменитая, потрясающая, стоящая всего “язычника-Гёте” фраза: “Бог взял семена *из миров иных* и посеял на землю. И взросло все, что могло возрасти. Но *все на земле живет через таинственное касание мирам иным*”. Тут – *все язычество уже*»⁸⁷. Это

⁸⁵ Розанов В.В. Один из певцов вечной «весны» // Розанов В.В. Собр. соч. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 369.

⁸⁶ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука (Лен. отд.), 1976. С. 290.

⁸⁷ Розанов В.В. Три гороскопа // Розанов В.В. Собр. соч. Апокалипсис нашего времени / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2000. С. 53.

высказывание, действительно, чрезвычайно близко многим высказываниям Гёте, особенно во второй части «Разговоров».

П. Флоренский читал «Разговоры Гёте» в переводе Д. Аверкиева в 1903 г. Он писал матери, что перечитывает «в 3-ий или в 4-й раз “Разговоры Гёте”, собранные Эккерманом, и каждое слово Гёте вызывает восхищение. Сколько всестороннего интереса, жизненности проявляет он в 80 лет, так горячо и интенсивно радуется и негодует, что хочется чуть не всю книгу переписать в мою тетрадь заметок для будущих сочинений»⁸⁸. Сделанные выписки впоследствии пригодились для нескольких его работ.

В статье «О суеверии и чуде» П. Флоренский цитировал «Фауста» и обратил внимание на истолкование чуда немецким писателем⁸⁹. В подтверждение своей мысли он приводит фрагмент из «Разговоров», в котором речь идет «об естественноисторических предметах»: «Эккерман описывает, например, одну прогулку с Гёте <...> “Холмы и горы, – говорил он, – были покрыты снегом, и я заметил большую нежность желтого цвета и то, что в расстоянии нескольких миль, при посредстве промежуточной туманной среды, темное скорее является голубым, чем белое желтым (NB: это важно для гётевской теории цветов). Гёте согласился со мною, и мы затем говорили о высоком значении первоявления, за которым, кажется, непосредственно видишь Божество. – Я не спрашиваю, – сказал Гёте, – обладает ли это Высшее Существо пониманием и разумом, но чувствую, что Оно – само понимание, сам разум. Все творения проникнуты им, и человек настолько им озарен, что может понимать Высочайшего”»⁹⁰. Эта запись относится к 23 февраля 1831 г. и входит во вторую часть суворинского

⁸⁸ Обретая путь. Павел Флоренский в университетские годы: В 2 т. Т. 2 / автор-сост. П.В. Флоренский; статьи А.И. Олексенко, П.В. Флоренский, В.А. Шапошников, Т.А. Шутова, подгот. текста, ком. и подбор ил. А.В. Милосердова, А.И. Олексенко, А.А. Санчес, В.П. Флоренский, П.В. Флоренский, С.В. Чертков, В.А. Шапошников, Т.А. Шутова. М.: Прогресс-Традиция, 2015. С. 240.

⁸⁹ Флоренский П. О суеверии и чуде // Флоренский П.А., священник. Сочинения: В 4 т. Т. 1 / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. М.: Мысль, 1994. С. 52. Комментаторы тома не смогли атрибутировать эту цитату.

⁹⁰ Флоренский П. О суеверии и чуде. С. 53. Курсивом выделил П. Флоренский.

издания. П. Флоренский продолжает далее: «Сколько событий, на посторонний взгляд пустяшных, Гёте относил к Благой Силе, называя ее “Демоническое”. Но и для средних людей восприятие окружающего, как чуда, имеется даже гораздо чаще, чем это обычно предполагается»⁹¹. Слово «демоническое» – также из «Разговоров»: Гёте несколько раз говорит на эту тему в конце 1820-х – начале 1830-х гг. Влиянию демонической силы Гёте приписывал свойства личности Наполеона, великого герцога Карла Августа, Паганини и утверждал, что «демоническое проявляется только в совершенно положительной энергии»⁹².

В книге «У водоразделов мысли» П. Флоренский с небольшим искажением процитировал запись из «Разговоров» от 18 февраля 1829 г.: «А Эккерману Гёте сказал: “Высочайшее, чего достичь может человек, есть изумление, и если протофеномен привел его в изумление, то пусть и удовлетворится он этим; еще высшего первооявление дать ему не в состоянии и дальнейшего человек искать за ним не должен”»⁹³. Это та же запись, на которую обратил внимание Л. Толстой: она завершается словами о детях и зеркале. В сочетании с цитатами из «Фауста» и из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» фрагменты из суворинского издания входят в гётеану П. Флоренского.

«Разговоры» в переводе Д. Аверкиева были в библиотеке А. Блока и стали настольной книгой Д. Мережковского. На него эта книга произвела большое впечатление. В статье «Дафнис и Хлоя» (1895) вокруг цитаты из «Разговоров» выстраивается целый сюжет, в котором Эккерман оказывается недостаточно проницательным собеседником Гёте. Д. Мережковский выписывает из суворинского издания довольно объемную запись от 20 марта 1831 г. о романе «Дафнис и Хлоя». В комментарии к этой цитате он отмечает «божественное спокойствие», проявляющееся в оценках Гёте литературных

⁹¹ Флоренский П. О суеверии и чуде. С. 326.

⁹² Разговоры Гёте, собранные Эккерманом» (Пер. с нем. [с предисл.] Д.В. Аверкиева. Ч. 2. С. 332.

⁹³ Флоренский П. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики) // Флоренский П.А., священник. Сочинения: В 4 т. Т. 3. Ч. 1. С. 128.

произведений и в его терпимости к людям. Книга, замечает Д. Мережковский, «учит нас, с каким трогательным терпением гениальные люди умеют переносить человеческую глупость и даже пользоваться ею для своих возвышенных целей: ибо воистину нужно было героическое терпение Гёте, чтобы так благодушно переносить те глупости и пошлости, которыми Эккерман осыпает своего великого покровителя. Но если бы у Гёте был другой, более пронизательный собеседник, то он мог бы, заведя речь именно об отношениях господ и рабов в поэме, указать на некоторые зловещие тени...»⁹⁴. В статье Д. Мережковского «Мистическое движение нашего века» (1893) Гёте выглядит как пророк «мистического движения». Несмотря на ее название, статья построена на «Разговорах» и высказываниями Гёте пронизаны оценки современного искусства. Это не случайно.

Увлеченность личностью Гёте очевидна в письмах Д. Мережковского к О. Флоренской, которой он писал из Гейдельберга и из Веймара. «Здесь было очень хорошо. Старая милая Германия, уютная и родная. Я здесь все читал Гёте. Гёте – человек, который никогда не погибал. Этим он противоположен нам, русским, вечно гибнущим и даже погибнуть, как следует, не умеющим. Он – воплощенное здоровье, а мы – воплощенная болезнь. Из Европы – в Россию, из здоровья – в болезнь. Бедные мы, бедные!»⁹⁵ Посетив квартиру Гёте, он восторженно сообщал, что был «в комнатке-клетушке, где умер Гёте. Удивительно! Все – дом его, холодный-холодный, светлый, мертвый, парадные покои Его превосх. д. ст. советника Von Goethe – тоску наводит страшную. Какая диавольская аккуратность и самовлюбленность. Жил среди 100 собственных портретов, медалей, статуй»⁹⁶. Подлинного Гёте он нашел не в его интерьерах, а в его беседах с Эккерманом.

⁹⁴ Мережковский Д.С. «Дафнис и Хлоя» // Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / изд. подг. Е.А. Андрущенко. М.: Наука, 2007. С. 23. (Литературные памятники).

⁹⁵ ШUTOVA Т. «Да будут совершены воедино...»: Переписка Мережковских с О. Флоренской // Новый журнал (Нью-Йорк). 2009. № 256. С. 113.

⁹⁶ Там же. С. 114.

Статья «Гёте» (1909) целиком писалась по «Разговорам» в переводе Д. Аверкиева. Она была опубликована в газете «Русское слово» в июне 1913 г. и в составе книги «Вечные спутники» вошла в Полное собрание сочинений Д. Мережковского в 24 т. Комбинируя цитаты из «Разговоров» с собственными комментариями, Д. Мережковский создал образ Гёте – «великого язычника». В. Розанов еще в начале века обратил внимание на характерную особенность современника: «Нам кажется, по совокупности своих даров и средств, г. Мережковский – комментатор. Свои собственные мысли он гораздо лучше выскажет, комментируя другого мыслителя или человека; комментарий должен быть методом, способом, манерою его работы. Как только он остается один, без имени и факта около себя – он мутен, неясен. Чтобы бульон очистить, нужно опустить сырое яйцо в него. В мышление г. Мережковского нужно опустить кого-нибудь, не Мережковского, и тогда Мережковский становится прозрачен»⁹⁷. В данном случае прозрачность мысли писателя достигается за счет комбинации цитат из «Разговоров» Гёте, окруженных наблюдениями и комментариями автора статьи. Наиболее ясно эта особенность проявляется при сравнении цитат из «Разговоров» в этой статье с современным переводом книги Эккермана.

Вот как, например, в статье Д. Мережковского представлена тема молодости Гёте. «Да, сверхчеловеческое – в этой вечной юности. “Ему скоро будет восемьдесят, – записывает Эккерман в 1825 г., – но ни в чем он не чувствует себя готовым и законченным; он стремится все вперед и вперед; он кажется человеком вечной, неразрушимой юности”»⁹⁸. В современном переводе этот фрагмент звучит так: «Через несколько лет ему минет восемьдесят, но он все еще не может насытиться исследованиями и познанием. Ни одна отрасль его деятельности не исчерпана и не завершена. Он стремится все вперед и вперед, все учится и учится, тем самым доказывая

⁹⁷ Розанов В. Новая работа о Толстом и Достоевском. Лев Толстой и Достоевский. Д. Мережковского. «Мир искусства», 1900. №№ 1–12 // Новое время. 1900. № 8736. 24 июня (7 июля). С. 2.

⁹⁸ Мережковский Д.С. Гёте // Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. С. 311.

свою вечную, несокрушимую молодость»⁹⁹. Начиная абзац утверждением о сверхчеловеческой природе Гёте, Д. Мережковский добивается того, что прозаическое сообщение о почтенном возрасте превращается в свидетельство его демонической природы. К этому абзацу вплотную монтируется абзац о стрельбе из лука, цитируемый неточно: «Я подал ему лук. Он приладил стрелу, прицелился вверх и спустил тетиву. Он был точно Аполлон, состарившийся телом, но одушевленный бессмертной юностью. Не умею сказать, до чего мне было весело, глядя на него. Мне вспомнились стихи: Иль старость меня покидает? / Или детство вернулось опять?»¹⁰⁰. В переводе Н. Ман этот фрагмент значительно больше: «я отдал ему лук и сбегал за стрелой. Он вставил стрелу и лук сразу взял правильно, но все-таки немного повозился, прежде чем отпустить тетиву. Гёте прицелился вверх. Он стоял как Аполлон, внутренне неистребимо молодой, но, увы, постаревший телесно. Стрела взлетела невысоко и опустилась на землю. Я побежал и принес ее. – Еще разок! – сказал Гёте. Теперь он прицелился в горизонтальном направлении, вдоль песчаной дорожки. Шагов тридцать стрела продержалась в воздухе, потом засвистела и опустилась. Гёте, стреляющий из лука, положительно обворожил меня. Мне вспомнилось двести стихов: Иль старость уходит, я мал, / И снова ребенком я стал»¹⁰¹. Д. Мережковский не только приводит текст, сокращенный Д. Аверкиевым при переводе, но и сам дополнительно сокращает его, добиваясь высокой образной емкости. Переводчик последовательно избегал точного названия телесных состояний Гёте, опуская детали, способные пролить свет на них, и это совпало с установкой Д. Мережковского.

Когда это необходимо, он помещает цитату в иной, чем в «Разговорах», контекст. Так, например, Д. Мережковский пишет: «Знает, что в семьдесят лет влюбляться глупо. “Но надо часто делать глупости, чтобы только

⁹⁹ Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / пер. с нем. Н. Ман. С. 488.

¹⁰⁰ Мережковский Д.С. Гёте. С. 311–312.

¹⁰¹ Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / пер. с нем. Н. Ман. С. 501.

продлить жизнь”»¹⁰². В исходном тексте, однако, это высказывание возникает в связи с неверным, по мнению Гёте, решением невестки ехать к матери по зимней дороге, и оно имеет совершенно иной, житейский смысл: «Я слишком стар, – сказал он, – чтобы с нею спорить или внушать ей, что радость свидания с матерью здесь будет не меньше, чем там. Такое путешествие зимой – ненужная трата сил по пустякам, но эти пустяки бесконечно много значат в молодости. И в конце концов что за беда! Иной раз приходится совершить сумасбродные поступки, чтобы потом некоторое время жить спокойно»¹⁰³. Вырванное из контекста и переведенное неточно, высказывание Гёте приобрело философский смысл.

Лексическая перестройка текста Д. Аверкиевым оставалась бы лишь любопытным фактом, если бы не состав «Разговоров» в суворинском издании, повлиявший на исследования в разных отраслях гуманитарного знания. Речь идет об описании встречи Гёте с Наполеоном в Эрфурте в 1808 г. – известном «наполеоновском» сюжете, вошедшем в исследования литературоведов, историков, культурологов. В книге Эккермана и в ее переводах на русский язык, выполненных в XX в., такого фрагмента нет. Описание этой встречи французский переводчик книги Э. Делеро взял из воспоминаний канцлера Фридриха фон Мюллера, вышедших в свет в 1851 г. Именно в переводе Д. Аверкиева оно стало составляющей наших представлений об этой встрече Гёте с Наполеоном.

Д. Мережковский цитирует и пересказывает этот фрагмент так: «Меня позвали в кабинет императора. Он сидел за круглым столом и завтракал; направо, несколько поодаль стола, стоял Талейран; налево, ближе к нему, – Дарю, с которым он говорил о военных контрибуциях. Император сделал знак, чтобы я подошел. Я стал перед ним в должном расстоянии. Он внимательно посмотрел на меня и сказал: – Господин Гёте, вы – человек. Он спросил: – Сколько вам лет? – Шестьдесят. – Вы прекрасно сохранились...

¹⁰² Мережковский Д.С. Гёте. С. 312.

¹⁰³ Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / пер. с нем. Н. Ман. С. 461.

Вы писали трагедии?..»¹⁰⁴. Используя этот фрагмент, Д. Мережковский формирует представление о близости двух личностей, добавляя характеристики Наполеона, даваемые ему Гёте, из записей разных лет: «И Гёте говорит о Наполеоне почти то же самое: “Наполеон был молодец (ein Kerl); он находился в состоянии непрерывного просветления”. – “Он – сокращение мира”. – “Он – существо демоническое” (опять в особенном, гётевском, древнем смысле, от *díamon* – бог)»¹⁰⁵. У Д. Мережковского возникают искажения, которые существенно меняют смысл слов Гёте. Так, в записи от 16 февраля 1826 г. в редакции Д. Аверкиева Гёте говорит, что Наполеон был «кратким изображением мира», Н. Ман переводит – «квинтэссенцией мира», Д. Мережковский пишет: «сокращение мира». Последние слова: «Он – существо демоническое» принадлежат не Гёте, а Эккерману. Две из трех значимых характеристик Наполеона, приписанных Гёте, или искажены, или ему не принадлежат, а первая составлена путем сокращения цитаты. О том, что Д. Мережковский создает мифологизированный образ Гёте, уже писалось, и приведенные примеры подтверждают наблюдения над тем, как такой образ создается. Но следует признать, что материал для конструирования «символистского» Гёте во многом давал перевод «Разговоров», выполненный Д. Аверкиевым. Даже удивительно, как настолько далекий от символизма писатель создал текст, ответивший на поиски Д. Мережковским созвучного, равновеликого произведениям Гёте документального текста.

В откликах русских писателей на «Разговоры» есть одна любопытная особенность: все они обращают внимание на язычество Гёте: Л. Толстой – с неодобрением, В. Розанов и П. Флоренский – с заинтересованностью, Д. Мережковский – с восторгом. Вероятно, совпадение интереса таких разных мыслителей и художников к одной и той же стороне мировоззрения Гёте отражает новые отношения с христианством, обращение к нему с

¹⁰⁴ Мережковский Д.С. Гёте. С. 313–314.

¹⁰⁵ Там же. С. 314.

вопросами, ответы на которые составляли важную часть их творческого мира.

Перевод Д. Аверкиевым книги Эккермана давно стал библиографической редкостью. Его переиздание не только воздает дань благодарной памяти известному в свое время литератору, но и показывает причудливые пути диалога Гёте с русской культурой, продолжающегося и по сей день. Впервые текст его «Разговоров» на русском языке сопровождается полноценными и развернутыми примечаниями, дающими представление не только о круге общения, интересах и деятельности Гёте, но и об особенностях рецепции книги Эккермана в немецкой, французской и русской культурах.